

Вопросы изменения морфологической структуры слова, составляющие объект исторических разысканий в области словообразования, находятся в настоящее время в стороне от исследовательских интересов специалистов, ориентирующихся, как правило, на проблемы описательной дериватологии. Такое невнимание к важным процессам в структуре слова приводило исследователей к выводам, противоречащим реальной сути вещей, а потому не принятых большинством ученых. Достаточно в качестве примера сослаться здесь на идею интерфиксации. А между тем новейшие наблюдения в области теории словообразования показывают, что научные проблемы развития структуры слова далеко еще не исчерпаны и по-прежнему актуальны.

Особый интерес в этом отношении вызывает процесс переразложения, находящийся как бы на пересечении двух противоположных тенденций, или, по выражению И.А. Бодуэна де Куртене, двух противоположных центрально-языковых стремлений [1], которые являются определяющими в развитии морфологической структуры слова. С одной стороны, это тенденция к забвению этимологических связей слов, составляющая содержание процесса деэтимологизации и опрощения как результата этого процесса. С другой стороны, это тенденция к оживлению морфологического состава этимологически непонятных слов, в том числе слов, утративших членимость, тенденция, составляющая содержание процесса, который условно (и не вполне удачно) может быть назван "*народной этимологией*" (в бодуэновском понимании этого процесса), а также усложнения (или разложения, по терминологии И.А.Бодуэна де Куртене [2]) как результата этого процесса.

В отличие от опрощения и усложнения, которые являются результатом последовательно проведенной одной из указанных тенденций, переразложение можно квалифицировать как результат этих двух одновременно действующих противоположных процессов: деэтимологизации и "*народной этимологии*". Производное слово, попавшее в сферу действия этих тенденций, отходит от исторически производящего слова, теряет с ним семантические и структурные связи, деэтимологизируется; однако одновременно с этим и параллельно этому данное слово на базе определенных структурно-семантических ассоциаций сближается с другим словом, приобретая, таким образом, новую мотивированность и новую структурную оформленность. При этом упомянутые структурно-семантические ассоциации не носят случайного характера, как, например, в случаях усложнения строения производных слов на основе народно-этимологических сближений (небель вместо мебель, окопанты вместо оккупанты и т.п.). Это объясняется тем, что слово, подвергшееся действию указанных процессов, как правило, не уходит из словообразовательного гнезда, а устанавливает новую соотнесенность или со словом, входящим в словообразовательную цепь последовательно производных слов типа **фокус** – фокусный – *фокусник* – **фокусничать**, или со словом, входящим в словообразовательный ряд параллельно производных образований типа

– ловкий
лов – ловец
– ловить [3]

В том и в другом случае слово устанавливает связь со словом, имеющим в основе общий с ним семантико-фонетический комплекс, который теперь начинает выполнять функции новой мотивирующей основы, противопоставляясь остальной части слова как новому форманту (аффиксу). В случае несовпадения структурного

объема прежней и новой основы граница между основой и аффиксальной частью меняется. Таким образом, переразложение в словообразовании, как и в формообразовании, представляет собой процесс передвижения границ между основой и аффиксом. В этом – логика процесса переразложения, соотносящаяся с логикой морфологического формо- и словообразования: слово (или форма) сохраняет двуэлементность, бинарность своего состава (основа и аффикс), меняется только граница между этими структурными частями.

Во всех процессах, связанных с изменением структуры слова, решающую роль, как мы видели, играет словообразовательная соотнесенность слова, определяющая членимость его на морфологические элементы. Так, если опрощение связано с утратой соотнесенности, а усложнение, наоборот, с приобретением ее, то переразложение как процесс определяется сменой соотнесенности. А поскольку соотнесенность есть структурно-семантическая связь слов, то и все рассматриваемые процессы изменения морфологической структуры слова являются по сути семантико-морфологическими процессами. В этом отношении прав Г.С.Зенков, считающий, что началом переразложения являются семантические сдвиги в производном слове (вернее сказать, в коррелятивной паре "производящее – производное"[4]). Только важно всегда иметь в виду, что в словообразовании любой семантический сдвиг материализован, т.е. является одновременно и структурным сдвигом, что все семантические изменения постоянно и неразрывно связаны со структурой слова, коль скоро речь идет о морфологическом словообразовании.

Этими, казалось бы, общеизвестными истинами теории словообразования, которые, однако, не всегда учитываются при истолковании тех или иных вопросов русского словопроизводства и связанных с ними явлений и которые нам понадобятся при дальнейших рассуждениях, мы и закончим предварительные замечания.

1

Одним из вопросов теории переразложения, который обсуждался еще представителями Казанской лингвистической школы, славной группы ученых, впервые в русской науке поставивших проблемы исторических изменений структуры слова, был вопрос о направлении процесса в пределах слова. Решали его "казанцы" по-разному. Так, если Н.В.Крушевский признавал для русского языка только регрессивное направление морфологической абсорбции (от конца слова к его началу [5]), то В.А.Богородицкий не был согласен с ним, считая, что морфологическая абсорбция может иметь и прогрессивное направление[6].

Н.М.Шанский, подробно разрабатывавший проблемы, связанные с изменениями в структуре русского слова, конкретизирует высказывание В.А.Богородицкого, полагая, что переразложение может иметь как регрессивное (на стыке основы и суффикса), так и прогрессивное (на стыке основы и префикса) направления [7].

С нашей точки зрения, изложенные выше рассуждения о направлении процесса переразложения, безусловно, интересны, однако они затрагивают непринципиальные стороны. Ведь если исходить из соотношения основы и аффикса в процессе переразложения, а это соотношение как раз и является принципиальным в данном случае, то и при "регрессивном" переразложении (на стыке основы и суффикса), и при "прогрессивном" переразложении (на стыке основы и префикса) процесс переразложения имеет одно направление – от аффикса к основе, т.е. во всех случаях оно представляет своего рода "сокращение основы в пользу окончания", другими словами, сокращение образующей основы в пользу аффикса. И в этом смысле оно всегда регрессивно: направлено от служебной морфемы в сторону основы. В результате происходит наращение аффикса за счет основы.

Такая направленность переразложения нарушается, однако, в случаях так называемой обратной соотнесенности, т.е. развивающейся структурно-семантической зависимости производящего слова от производного в пределах коррелятивной пары. Обратная соотнесенность наблюдается, например, в случаях зависимости имен существительных на **-СТВО** и **-СТВИЕ** от глаголов на **-СТВОВАТЬ** (пьянство – пьянствовать, странствие – странствовать и т.п.), имен на **-НИК** от глаголов на **-НИЧАТЬ** (мошенник – мошенничать, сотрудник – сотрудничать и т.п.), образований на **-ТЕЛЬ** от глаголов на **-ТЕЛЬСТВОВАТЬ** (покровитель – покровительствовать и т.п.) и другие. Одни из приведенных примеров понимаются современными носителями языка как наименование действия (пьянство, странствие), другие – как наименование деятеля (сотрудник, покровитель) по значению соответствующего глагола. Об этом свидетельствуют показания словарей, практика речевого употребления, а также исследования лингвистов, считающих рассматриваемое явление реальностью русского языка[8].

Неоднократно отмечалось, что обратная соотнесенность – это тенденция, которая вскрывается при подходе к фактам словообразования как фактам развивающимся. Современное состояние есть один из этапов развития русского языка, который отражает различную степень развитости обратной соотнесенности в конкретных словообразовательных типах, тем более – в отдельных соотнесенных парах. Видимо, поэтому обратные словообразовательные связи трудно поддаются описанию с чисто синхронических позиций, о чем говорят те противоречия, которые наблюдаются в современных сочинениях при определении мотивированности слов типа приветствие и подобных [9]. Изменяющиеся, развивающиеся отношения в этих коррелятивных парах очень сложны, и их очень трудно рассматривать с классификационной схемы, не учитывая их движения.

Неоднократно также отмечалось, что обратная соотнесенность, как любая мотивированность, является структурно-семантической связью слов, а потому при становлении обратной словообразовательной зависимости семантические сдвиги в коррелятивной паре сопровождаются сдвигами и в структуре соотнесенных слов.

Действительно, если существительное приветствие при первичной соотнесенности его со словом привет выделяло в своей структуре производящую основу **привет-** и суффикс **-ствие**, то теперь при соотнесенности его с глаголом приветствовать в качестве семантико-фонематического коррелятива [10] выступает уже мотивирующая основа **приветств-**, а в качестве форманта – суффикс **-ие**. Мы видим, что произошло изменение границы между основой и аффиксом, т.е. произошло переразложение. Только в противоположность обычному ходу переразложения – сокращению основы в пользу аффикса – здесь мы наблюдаем обратный процесс: сокращение аффикса в пользу основы, наращение основы за счет аффикса. В этом специфика переразложения при обратной соотнесенности.

Аналогичная картина наблюдается и в случаях пьянство – пьянствовать, сотрудник – сотрудничать, работа – работать, покровитель – покровительствовать и т.п. Только в отличие от имен с финалью **-ствие** в качестве показателя обратной соотнесенности здесь будет выступать нулевой аффикс по типу отношений, сложившихся в "бесприставочных" образованиях нулевой суффиксации, явившихся в свое время древнейшим пластом имен, охваченных обратными словообразовательными связями. Итак, вместо раб – раб-от-а мы имеем в современном русском языке работ-а-ть – работ-0-а по типу мер-и-ть – мер-0-а; вместо пьян-ый – пьян-ство мы имеем пьянств-ова-ть – пьянств-0-о; вместо мошн-а – мошен-ник-* мы имеем мошеннич-а-ть – мошенник-0-* и т.п.[11]

Безусловно, явление обратной соотнесенности охватывает и другие (в ряде случаев еще не выявленные) словообразовательные типы, в которых могут быть и иные отношения в плане структурных изменений (в частности, не переразложение, а

декорреляция). Однако наиболее типичным для случаев обратной соотнесенности является "обратное" перераспределение, т.е. перераспределение морфемного материала, в результате которого происходит наращение основы за счет аффиксальной морфемы [12].

2

С процессом перераспределения связано и становление в русской словообразовательной системе конфиксальных моделей морфологического словопроизводства. В отличие от суффиксации и префиксации, при которых производящая основа в процессе словопроизводства осложняется с одной стороны (в пре- или постпозиции), *конфиксация* есть двустороннее осложнение производящей основы в процессе формирования производного слова. *Конфиксом*, таким образом, называется двуэлементная аффиксальная морфема, выполняющая те же функции, что и суффикс, и префикс, т.е. служащая материалом единичного акта словопроизводства [13]. Например, курс – со-курс-ник (конфикс **со...ник**), вода – под-вод-ный (конфикс **под...ный**) и т.п.

На ранней стадии развития словообразовательной науки, характеризующейся неразличением словообразовательного анализа и разбора слов по составу, двуэлементный состав конфиксальной морфемы привел ученых к выделению смешанного приставочно-суффиксального способа словопроизводства, при котором к производящей основе одновременно присоединялись две морфемы: приставка и суффикс. С развитием науки все очевиднее становилась несостоятельность этого положения, выдвинутого в свое время без всякой аргументации как сама собой разумеющаяся истина, все очевиднее становилось несоответствие его выявленной логике морфологического словопроизводства, являющейся отражением системных отношений в словообразовании. Поэтому в условиях современной науки реальность приставочно-суффиксального словообразования должна быть аргументирована, что сделать весьма трудно (*скорее, невозможно*), так как для этого нужно будет решительно пересмотреть (*вернее, отвергнуть, разрушить*) все основные понятия и категории морфологического аффиксального словообразования и прежде всего понятие словообразовательного типа во всех его ипостасях (единство производящих основ, словообразовательного значения и словообразующей морфемы). Пересмотру должна подлежать и специфика перераспределения как процесса изменения границ противопоставленности в структуре слова двух морфемных единиц – образующей основы и аффикса.

Как уже неоднократно отмечалось в работах, изучающих историю становления конфиксального способа словопроизводства, конфикация не была искони присуща русской словообразовательной системе. Она формировалась или на базе суффиксальных словообразовательных моделей, явившихся в большинстве случаев результатом аффиксального осложнения предложно-падежных форм (под снегом – подснеж-ный, подснежный – подснежн-ик, в дальнейшем: снег – под-снеж-ный и снег – под-снежник), или на базе приставочных образований (бессилеть – о-бессилеть; в дальнейшем: сила – обес-силеть), или, наконец, как результат взаимодействия семантического и морфологического способов словопроизводства (до красна – докрасна; в дальнейшем: красн-ый – до-красн-а и т.п.). Однако и суффиксация, и префиксация являлись ,i>"в данном случае лишь промежуточным звеном на пути формирования собственно конфиксальных образований, возникших на основе изменения ранней соотнесенности, т.е. на основе своеобразного перераспределения" [14].

В чем же своеобразие этого перераспределения? Обратимся к примерам. При соотнесенности слова подснежник с прилагательным подснежный [15] в производном слове выделялась основа **подснежн-** и суффикс **-ик**. Смена

соотнесенности, установление связи непосредственно со словом снег вызвало изменения в структуре слова: теперь выделяется основа **-снег-** и формант **под...ник**. Что же здесь произошло: выделение еще одной морфемы, т.е. приставки **под-**, при одновременном расширении суффикса (а именно так мы должны трактовать вопрос, говоря о приставочно-суффиксальном способе словообразования), или расширение аффиксальной морфемы за счет сокращения основы слова?

Если учитывать характер процесса переразложения, то мы должны принять второе: произошло сокращение основы в пользу аффикса. Суть переразложения здесь не меняется: произошло переосмысление отношения между основой и аффиксом, реализованное в изменении границы между этими морфемами. Таким образом, произошел процесс, который сохранил бинарность конструкции производного слова. Однако переразложение в данном случае характеризуется яркой спецификой: сокращение основы происходит не контактным образом (на месте непосредственного соприкосновения основы и прежнего аффикса), а дистактным, или как в случае со словом подснежник, контактно-дистактным способом. Поэтому, сохраняя статус морфемы, аффикс меняет свое качество: он становится прерывистым, двуэлементным, т.е. конфиксом. Другими словами, специфика переразложения состоит здесь в том, что происходит не только и не просто количественные изменения в соотношении основы и аффикса (основа сокращается, аффикс нарастает), здесь происходит одновременно качественное преобразование аффиксальной морфемы, согласно логике процесса переразложения и морфологического способа словопроизводства. Мы видим, что характер процесса переразложения, результатом которого являются конфиксальные морфемы, сам является аргументом реальности конфиксации как способа существования производных слов.

Выделившиеся в результате переразложения в составе определенного типа слов двуэлементные конфиксальные морфемы представляют собою неразделимое морфологическое единство и функционируют в языке как самостоятельные морфемы, служа для образования новых слов.

Примечания:

1. И.А. Бодуэн де Куртене. Об общих причинах языковых изменений, В кн.: Избранные труды по общему языкознанию, т.1, АН СССР, М. 1963, с. 242 – 245.
2. "Когда создавший слова не-бель, не-крут простолюдин слышал впервые слова мебель, рекрут, для него эти слова представлялись морфологически нерасчлененными, и ему самому пришлось расчленить их на не-бель, не-крут; стало быть, здесь не может быть речи о "переразложении", а просто только о "разложении" и "осмыслении" (И.А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию, т.2, с.44). Возможен, правда, и другой путь усложнения, например, при обратном словообразовании (Н.М.Шанский, Очерки по русскому словообразованию, Изд. МГУ, М. 1968, с. 224).
3. Выделены: курсивом – производящее слово, жирным шрифтом – вновь установившаяся соотносительная пара.
4. Г.С.Зенков. Процесс переразложения основ и его роль в практике суффиксального словообразования русского языка, Уч. Зап. Филолог. Фак. Киргиз. ун-та, вып.2, Фрунзе, 1956, с. 113 – 132.
5. Н.В. Крушевский. Лингвистические заметки, РФВ, 1880, т.3, с.55.
6. В.А.Богородицкий. О морфологической абсорбции, РФВ, 1888, т.3, с.55.
7. Н.М.Шанский. Очерки по русскому словообразованию, с. 181.

8. В.В.Виноградов, Русский язык, М. 1972, с. 345 – 346; Л.Г.Свердлов, О некоторых отглагольных именах существительных, "Этимолог. исслед. по русск. яз.", вып. 4, изд. МГУ, М. 1963; И.А.Мельчук, К понятию словообразования, Изв. АН СССР, отд. языка и литер., т. 26, вып.4, 1967; Г.Николаев, К вопросу об обратных словообразовательных связях в русском языке, "Вестник МГУ", Филология 1970, №6; Г.А.Николаев, Обратная соотношенность и обратное словообразование, Уч. зап. Ташкентского пед. Ин-та, т.143, 1975.
9. Ср.: А.Д.Зверев, Выражения направления производности в русском языке, Сб.: Актуальные проблемы русского словообразования, Самарканд 1972, с. 79, а также Грамматика современного русского литературного языка, М. 1970, с. 67.
10. В.М.Марков, Г.А.Николаев, некоторые вопросы русского словообразования, в кн. Именное словообразование русского языка, Казань 1976, с.7.
11. Знаком 0 обозначен нулевой суффикс, знаком* – нулевое окончание.
12. Аналогичные отношения между основой и аффиксом (т.е. сокращение аффикса в пользу основы) наблюдаются и в истории русского формообразования. Укажем в качестве примера на те изменения, которые происходили во множественном числе существительного "сын" вначале при утрате славянскими именными парадигмами прежних показателей основ (сокращение основы в пользу окончания: сынов-е – сын-ове; см.: И.А.Бодуэн де Куртене. Избр. труды по общему языкознанию, 1, с. 33 – 34), а затем при развитии по направлению к современности морфологической противопоставленности числовых парадигм имен существительных (сокращение окончания в пользу основы: сын-ове – сынов-*j*-а, сыновь-*j*-ам и т.д.; см. В.М.Марков, Историческая грамматика русского языка. Именное склонение, М. 1974, с. 65, 79).
13. В.М.Марков и Г.А.Николаев, Некоторые вопросы теории русского словообразования, с. 7-8.
14. Ср. у С.Т.Аксакова: "подснежные тюльпаны" (ССРЛЯ, т. 10).